

Записано со слов знакомого.

Когда всепомнящий кинематограф в очередной раз оживит на экранах Парад Победы, взгляните в стройные шеренги сводного полка Карельского фронта, открывающего шествие победителей на Красной площади 24 июня 1945 года. Во втором ряду вторым со стороны Мавзолея чеканит шаг макеевчанин Петр Андреевич Дзюба. «Равнение — на середину-у-у!»

В конце мая 1945 года его вызвали в штаб батальона и ошарашили: «Мы вас зачислили в Москву для участия в Параде Победы». «Служу Советскому Союзу!» — сугубо по Уставу ответил 23-летний солдат. Конечно, после военных испытаний в Заполярье, после участия в кровопролитном освобождении Севастополя... — это был истинный подарок судьбы.

По прибытии в Москву сводный полк Карельского фронта разместили в палатках недалеко от Тимирязевского парка. Отвели приличный стадион, приставили духовой оркестр и...«Шагом марш!». Ежедневно 6–8 часов кряду — строевая, плюс полтора километра ходу от палаток к стадиону. И все с песней. Когда запевал сержант Диденко, родом с Полтавщины, казалось, останавливалась вся Москва, чтобы послушать украинского соловья. Случилось как-то, что занемог Диденко. Так вся «игра» остановилась.

— Поднимайте его с койки. Маршировать не заставляйте, пусть только берет первым голосом! — приказал командир сводного полка, тоже привыкший к эликсиру бойцовой песни.

Кстати, жители столицы просто задаривали участников будущего парада цветами, красивые девушки цепенели перед видом героев. Командиры враз стали добряками, хоть к ранам прикладывай. Да ко всему еще — барское питание обеспечили. Три раза в день усаживали за стол. Приходит, бывало, Петр Андреевич обедать, а на белой скатерти — душистый хлеб, колбаска, салат, яблоки, не говоря уже, что будет еще первое блюдо, второе и третье... А еще на каждого солдата — по пачке «Кубани» и «Беломора» да бутылочка водки на пятерых.

И вот настал день самого главного марша победителей. Рано утром карельцы прибыли на машинах к Мавзолею. И... расстроились. Начал моросить дождь. — Петя, дождь — ерунда. Нам бы не проглядеть правительство. Говорят, вон по тем ступенькам будет подниматься, — внушал Дзюбе сослуживец. — Смотрю, идет Сталин. Как бы один, особняком. Идет устало, почти старчески, — рассказывал нам Дзюба десятилетия спустя (в 90-е работал сторожем в «Вечерке»). -Жаль, елочки мне мешают, но все же я разглядел — Сталин грузный, лицо явно отекающее. Совсем он не тот — смуглявый, на вид 45-летний, какого я не раз видел на экране. Мне даже жалко стало его. Я почему-то захотел, чтобы он был помоложе. Стоял ведь праздничный послевоенный день. Да и не знал я тогда, что далеко не все чисто с «отцом народов».

— Равнение на середину-у! — пронеслось над площадью. Ударил оркестр из 1400 музыкантов и под его гром на белом коне от Спасской башни стал приближаться к середине плаца трижды Герой Советского Союза маршал Жуков. С противоположной стороны на своем вороном двигался командующий Парадом дважды Герой Советского Союза Рокоссовский. Объехав войска, они словно утонули в залихватском «ура-а-а!» Эх, если бы я был писателем... — почесывал затылок Петр Дзюба.

— Что дальше-то было, Петр Андреевич?

— 42 секунды ходу мимо Мавзолея мое сердце билось так, что передать невозможно. Мы шли, как говорится, чеканя шаг, и казалось, что весь мир гордится каждым поименно. Тем более что завершающая колонна Парада бросила к подножию Мавзолея 200 знамен и штандартов разгромленных немецких войск. Затем еще пару дней мы оставались в столице, отдыхали, вспоминали о военных буднях. И без конца смеялись. Как хорошо, думал я тогда, что в Заполярье, спасаясь от цинги, насильно пил противный чай из хвои, заваренный в бочке. Иначе выплюнул бы зубы, как многие мои товарищи... И как бы я сейчас смеялся? В Москве мне казалось, что из фронтового ада я въехал прямо в рай, — вздохнул ветеран. А вздыхать ему было о чем. В первые месяцы войны у Петра погиб младший брат Дмитрий. Поэтому за второго брата — Григория — переживал больше, чем за самого себя. К счастью, обошлось.

«Ты мне живым нужен»

Сам Петр Дзюба был отчаянным разведчиком. В районе Ондозера (Карелия), несмотря на глубокие январские снега и майские топи, доставлял с товарищами ценную информацию для командования, а то и «языков» с немецких позиций живьем припроваживал.

— Пока не попал в госпиталь с тяжелейшим воспалением легких. Шестнадцать суток лежал без сознания под «бутылем» (капельницей), а когда, наконец открыл глаза и попросил есть, старая врачиха, имевшая двух сыновей-фронтовиков, подвернула простынку, села на его койку и заплакала: «Не думала я, Петя, что ты выживешь», — рассказывал нам Дзюба.

Выжил, но в разведку уже не подошел: носил тело пулемета («Максима»). Однажды, пожалев хрупкого однополчанина из Казахстана, Петр взвалил на себя станок пулемета, который, накренившись, чуть не утопил его в болотах.

— Сынок, брось эту железку — ты мне живым нужен, — крикнул потцовски комбат и, как вспоминают дети Петра Андреевича, он эту историю вспоминал не раз и благодарил командира за свое второе рождение. Хотя трудно сказать, каким по счету оно было. Ведь в тот же час только выбрались из трясины, только окопались и заняли оборону, а немец как дал

с минометов. Ранило Дзюбу в той мясорубке. Один осколок вытащили сразу, а другой носил ветеран в себе 39 лет, пока в 1982 году доктор Бендер в Макеевке не вынул свинец из плеча.

— Так вот, за тот бой, а солдат не покинул огневые позиции даже будучи раненым, наградили его орденом Славы III степени. Украшала грудь фронтовика и медаль «За освобождение Заполярья», другие награды. Но все же в 1945 году командование, видимо, чувствовало за собой некий должок перед солдатом. Потому и отобрало Дзюбу в Москву на Парад Победы.

Отвоевали братья за поколение вперед.

...После войны Петр Андреевич поступил на службу в пожарную охрану МКХЗ, где проработал 38 лет, пока не ушел на производство, чтобы заработать пенсию поприличнее. К слову, когда его — вчерашнего бойца, отправили в Харьков в школу пожарных, там — на военном заводе — он встретил свою суженую Зинаиду Ивановну. Воспитали вместе троих детей. От них пошло четверо внуков и четверо правнуков.

— Жаль, что в этот День Победы, собравшись за праздничным столом, мы уже в шестой раз с горечью выпьем за помин души Петра Андреевича, — сдерживая слезы, говорит его сын Николай Петрович — в прошлом электрослесарь подземный, и уже много лет — водитель «Макеевугля». — Отец не любил рассказывать о себе на войне. Но по его трудолюбию и ответственности мы чувствовали — в годы испытаний он не мог быть другим. В нашей родне он человек особый.

...Надо полагать, что фронтовое прошлое отца призывно действовало и на Николая Петровича: он рвался в Афганистан. Но Бог миловал. Видимо, три старших Дзюбы отвоевали за несколько поколений вперед. И в этом их негласный подвиг.